

Борис КУТЕНКОВ

ПОЭЗИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ

Владимир Козлов. ЗАЧЕМПОЭЗИЯ. Избранные материалы к арт-поэтри-проекту #Воскреснымедитации. – Ростов-на-Дону, 2021. – 72 с.

Сборник статей «ЗАЧЕМПОЭЗИЯ» его автор, литературовед Владимир Козлов, не считает книгой в привычном понимании – говоря, что это лишь преддверие будущего издания, которое выйдет, возможно, когда-нибудь. «Это издание выпущено ограниченным тиражом специально к благотворительному творческому вечеру в поддержку медиа о поэзии Prosodia.ru». Однако на фоне современных изданий о поэзии книга выглядит действительно своеобразно – конечно, не из-за малого тиража или ещё каких-то внешних признаков. Уникален сам подход к материалу: в этом сборнике вы не увидите разговора о тенденциях, иерархиях, не встретите ни одной цитаты из современников или классиков (хотя всего перечисленного в практике Козлова – давно и непрерывно рефлексирующего о поэзии – несомненно, хватает). Сам принцип разговора в этой книге подразумевает именно осмысление поэзии «вообще» из точки сегодняшнего времени. Вопрос о её практической значимости ставится с нескрываемой субъективностью: центром повествования здесь всегда становится авторское «я», Владимир Козлов с его выношенным опытом – не только мыслителя о поэзии, но и практикующего стихотворца. Этот подход подчёркнут не только постоянными отсылками к собственной поэтической практике, но и фотографиями черновиков, и стихотворениями, предваряющими тезисы о поэзии (и как бы призванными находиться в диалоге с ними), и – даже – авторской фотографией и тематической подписью, что иллюстрируют одну из глав. При этом было бы ошибкой думать, что сборник – воплощение эгоцентризма и призван как-либо выставить его автора в качестве эталона: нет, в центре здесь – совокупный опыт деятельности, возникающий на стыке прочитанного, осмысленного и написанного собой же в стихах (пожалуй, последнее – самое неочевидное для книг о поэзии и способно поставить критика в уязвимое положение. Автор – биографический объект собственных наблюдений, самим собой доказывающий ценность поэзии. Но в этом – и смелость, и риск, и причина для истинного интереса к изданию).

Меня в своё время – ещё когда отдельные статьи этого сборника выходили в журнале Prosodia в качестве предисловий – зацепил именно жанровый синкретизм козловских писаний с чётко определённым, направленным на себя же результатом: «вернуть сознанию, изгваздавшемуся за неделю в мирских дрязгах, долгах и хлопотах, исходное состояние, из которого смыслы если не открываются, то хотя бы доступны». Этот результат – во многом производное от другой профессии: бизнесмена, делового эксперта, в жизни которого легко может не остаться места поэтической гармонии, а любой выход в пространство иного сознания – сам по себе и драгоценный дар, и спасение от рутины. Таким образом, личностный след, оставшийся на этих писаниях, характеризует автора с нескольких сторон. С одной стороны, как поэта в ситуации «исключения» (для него работа с иным состоянием реальности возникает именно как редкость – как бы противопоставленная тем «долгам и хлопотам», которые навязывает погружённость в деловой мир). С другой, как одного из многих, столь же заезженных бытом. Ценность такого диалога с теми «многими» – в эмпатии: будучи самому в ситуации перманентной трудности, проще посоветовать что-то таким же, как ты. Сама цель написания этой книги эмпатична – и направлена на Другого, на желание помочь преодолению его неуверенности в мотивации для своего дела: «найти действующий источник внутренней энергии, поискать ответ в другой области. В нём помимо таинственного можно обнаружить и нечто вполне рациональное». Это определение – «рациональное» – не должно обманывать. Сборник скорее провокативно именуется вполне полуканцелярским-

полунаучным словом «методичка», будучи предельно далёк от наших институтских представлений об этом предмете. Композиционное строение книги тоже способно озадачить заглавиями, в основу которых положены «искомые слова», являющиеся самоцелями, по Козлову, поэтического творчества: «арт-терапия», «путь преображений», «целый человек» и т.д. Однако и здесь не стоит искать рецептуру: в одной из глав нам недвусмысленно обещан «нерядовой интеллект» автора – и этот интеллект менее всего ориентирован на готовые решения.

При этом профессия директора аналитического центра не может не вести к внятной постановке задач и осознанию поэзии как практического действия – что, опять же, способно насторожить и озадачить. Однако неслучайно одним из главных антагонистов для Козлова становится понятие поэтического успеха, на котором заиклены сегодня все. Для него акт рождения стихотворения – «это преображающая встреча, пересечение, проникновение друг в друга ценностных полей, после которого посыпались искры. Если человек, в чьём сознании состоялась такая встреча, не видит самоценности этого и подобных ему событий, он будет обречён остаться несчастным в любой ситуации, если не удастся “рукопись продать” – а этого ему не удастся». Результат «проектной» поэтической работы, таким образом, оказывается парадоксальным: «успех», обещанный нам в начале книги, становится оборотной стороной материального неуспеха – важно только принять последнее и вдвойне оценить возможность чистого саморазвития. (По сути, повторяется пушкинское «цель поэзии – поэзия», но немного в другом преломлении: как противоположность той цели, к которой стремится пишущий – сетуя на невозможность повторить успехи шестидесятников, на отсутствие зрительских стадионов и на всё, на что принято сегодня сетовать, говоря о «неуспехе» современной поэзии.) «Чтобы реже язык поворачивался обесценить ее [поэзию] только по той причине, что за стишок не начислен солидный гонорар, а значит, в результате поэзии как бы ничего не произошло. Кое-что в результате поэзии несомненно происходит». То, что происходит, – куда более важное: возможность иметь «светлую голову», получить ту самоценность, которую автор называет то «антропологической практикой», то «персональной и видовой эволюцией». Однако итог, при разности формулировок, остаётся неизменным – направленным на себя и как бы исключаяющим внешние факторы, делающим их необязательным приложением к самоценному творческому акту. «Сборка собственной личности» – один из важнейших результатов стихотворения, настолько серьёзных, что рядом с ним все жалобы на отсутствие гонораров или обратной связи оказываются едва ли не абсурдными. Другой результат – «преображение сознания», избавление его от потребительского ракурса. Всё это так, но ужасно сложно понимать такие вещи на протяжении всей жизни и считать их самодовлеющими: погружённость в хаос и отчаяние неизбежны. В этом смысле и слово «методичка», и карманный формат книги, которую носишь с собой в кармане и открываешь в подобные минуты, обретают совсем непривычный прагматический смысл.

Называя книгу «методичкой» и всячески акцентируя внимание на проектности своего замысла, Козлов и отношения поэта с миром заключает в концепцию «договора»: «Мир мне показывает и открывает свое многообразие, он мне лично каждый день предоставляет колоссальную пищу для размышлений. За это я обязуюсь перед ним проводить внутреннюю работу и в каком-то смысле возвращать дар в виде извлеченных из его собственного существования смыслов. Соблюдение этого договора гарантирует яркость мира и остроту зрения». Сказано просто и общо – но именно такие «договорные» отношения, возможно, и нужны в наше время, чтобы внести чёткую концептуальную ноту в ситуацию хаоса (прежде всего внутреннего). Всё, что говорит Козлов, как бы подразумевает маргинализацию поэтического дела как общее место – и противостоит ей, иногда доходя в таком противопоставлении чуть ли не до парадоксов: «...жизнь эта [внутренняя жизнь поэта. – Б. К.] в любом случае гармоничнее той, в которой места поэзии нет. И, по идее, слушать такой рассказ – всё равно что слушать историю про то, как парень из трущоб сумел разбогатеть». Избавить от чувства «смертельной обиды на

мир», лишить заикливости на успехе – такова цель козловских гипербола (по сути, оказывающихся совсем не гиперболами; хотелось бы произнести слово «истины», если бы не излишняя пафосность такого слова, особенно применительно к автору, говорящему из точки «я-опыта»).

Другим внешним антагонистом для Козлова становится символистско-романтическая парадигма, согласно которой художник «слышит голос свыше». Это проявляется и в таком практическом подходе к сочинению стихотворения, как отстаивание черновиков: «Пока стихотворение не опубликовано, каждое слово в нем может измениться», – несколько категорично говорит Козлов, и от этой категоричности холодеешь – такая позиция как будто исключает интуитивную работу сознания, обязательность «необязательного» слова, поставленного на ощупь – и не поддающегося изменениям. И если в разговоре о социальном функционировании поэзии автор почти бесспорен – то, углубляясь в частности поэтической практики, уже обнаруживает несоизмеримость с чужим опытом, который неизбежно индивидуален. Впрочем, можно вспомнить Пастернака (раскритикованного уже только не ленивым за переделывание ранних стихов). А, например, такой современный литературовед, как Марина Кудимова, также в недавнем интервью заметила, что «пока человек жив, он может вернуться к себе и изменить всё что угодно в своём стихотворении». Мне этот подход скорее не близок – однако нет смысла спорить: разговор здесь упирается в различие поэтических позиций¹.

Ещё более уязвима для полемики глава «Поэзия как исследование»: неудивительно, что именно здесь разговор предполагает наибольшую субъективность, так как касается именно определений искусства. Однако отсутствие примеров, которых Козлов на протяжении книги старательно избегает, именно здесь начинает мешать. О самом понятии «энергия исследования» сказано предельно абстрактно: «Мне близка поэзия, в которой есть энергия исследования. При этом ясно, что это исследование художественное – вооруженное, помимо логики, образами, символами, ассоциациями, чувственностью, пейзажами, предметностью мира, эмоциями» (бери этот абзац и привешивай его хоть к современной Лиде Юсуповой, хоть к раннему Александру Кушнеру). Больше всего настораживает следующий момент: «Искусство, которое начинает презрительно относиться к своей исследовательской, познавательной роли, быстро вырождается. Сначала его по привычке ценят за стильные декорации, а потом идут заниматься серьезным делом». Опасность принять за «стильные декорации» то, что только кажется таковым, то, что внешне «красиво», метафорично и как бы не укладывается в рамки поверхностного «смысла», – одна из главных опасностей критического мышления. В погоне за практическими ответами на вопросы о мире не ударяется ли критик в надоевшее противопоставление «чистого искусства» и «практического искусства», не пересказывает ли вопросы, актуальные ещё во времена Фета?.. Но, как и прежде, оказывается, что с ними ясно далеко не всё. Несколько лет назад термин «поэзия как исследование» уже был введён в оборот представителями «левого» фланга: тогда под таковым понималось высказывание, рождённое на стыке философии, социологии, истории, вновь противостоящее романтической парадигме. Это ли имеет в виду Козлов – и противопоставляет ли в качестве «стильных декораций» условного Ивана Жданова – вопрос открытый, и интересно было бы прочесть более аргументированное продолжение этой главы.

Основывая свои тезисы на ряде противопоставлений общим местам (как то – жалобы среднестатистического художника на «другую профессию», мешающую писать; Козлов спорит и с этим), автор остаётся в равной степени и убедительным, и

¹ Пожалуй, единственное, с чем здесь можно согласиться, – и один из немногих моментов, где автор позволяет себе откровенную «рецептуру»: «В этом, кстати, смысл писать стихи рукой. Сейчас мало пишут рукой – теперь в пору говорить, что это не каждому дано». Рукописная стадия действительно даёт совершенно особый взгляд на текст (не только на стихотворный). Однако насчёт возможности «исправить каждое слово» всё же, пожалуй, перебор. Такая взаимозаменяемость – скорее признак бездарных стихов.

неубедительным. Убедительным – постольку, поскольку в этих тезисах присутствует доктор филологических наук, главный редактор поэтического журнала, хорошо знающий современный контекст и берущий свои наблюдения «не с потолка». Неубедительным – постольку, поскольку чужое воспринимающее сознание стихотворца способно увидеть «свое» или «иное» в частных моментах опыта. Однако и то и другое – следствие непрерывной рефлексии «нерядового интеллекта» над поэзией, а значит, необходимо сегодня любому пишущему. И – незаметно для самого меня – ряд интересных мне авторов собственной поэтической философии², с которыми постоянно находишься во внутреннем диалоге, нередко споре, – в последнее время пополнил Владимир Козлов.

² Не включаем в этот ряд критиков, даже отличных и любимых мной. А только людей, разработавших именно собственную поэтическую идеологию, – которых сегодня немного: в их числе М. Эпштейн, В. Кальпиди, А. Тавров, Ю. Казарин, – список каждый может продолжить по своему усмотрению (при всей разнице позиций и ценностных установок упомянутых).